

Совет Безопасности

Distr.: General
20 October 2016
Russian
Original: English

Письмо Постоянного представителя Сирийской Арабской Республики при Организации Объединенных Наций от 10 октября 2016 года на имя Председателя Совета Безопасности

По поручению правительства моей страны имею честь препроводить в приложении к настоящему письму основные выводы и замечания сирийского правительства по третьему докладу Совместного механизма по расследованию Организации по запрещению химического оружия — Организации Объединенных Наций (S/2016/738/Rev.1) (см. приложение).

Буду крайне признателен за издание настоящего письма и приложения к нему в качестве документа Совета Безопасности.

(Подпись) Башар Джаафари
Посол
Постоянный представитель

Приложение к письму Постоянного представителя Сирийской Арабской Республики при Организации Объединенных Наций от 10 октября 2016 года на имя Председателя Совета Безопасности

[Подлинный текст на арабском языке]

Ответы и основные замечания в отношении третьего доклада Совместного механизма по расследованию

Совместный механизм по расследованию Организации по запрещению химического оружия — Организации Объединенных Наций, созданный в соответствии с резолюцией 2235 (2015) Совета Безопасности, посетил Сирийскую Арабскую Республику пять раз. Эти посещения благодаря содействию со стороны правительства Сирийской Арабской Республики имели следующие результаты:

а) Механизм провел большое число встреч и совещаний с представителями Сирийской Арабской Республики, в том числе с техническими экспертами, юристами и специалистами по информационным технологиям, и очень профессионально и абсолютно транспарентно рассмотрел информацию, касающуюся девяти предполагаемых инцидентов. Механизму было подчеркнуто, что все районы, в отношении которых проводилось расследование, находились под контролем вооруженных террористических групп с самого начала событий в Сирии. По сути, для этих групп данные районы были сродни сцене, на которой они могли разыгрывать любые сценарии по своему выбору, фальсифицировать данные и исказить факты;

б) Механизму было предоставлено большое число документов, электронных файлов и фотографий, имеющих отношение к этим девяти инцидентам. Было также объяснено, что вооруженным террористическим группам нельзя доверять и что публиковавшиеся ими видеоматериалы, касающиеся предполагаемых инцидентов, были сфабрикованы, на что обратили внимание следователи Механизма. Эти видеоматериалы были предметом многочисленных дискуссий. Механизм принял решение не учитывать некоторые из них, после того как было установлено, что они были сфабрикованы и записаны либо до, либо после описываемого события, однако Механизм не упомянул о причинах фальсификации и о ее цели, которая состояла в том, чтобы подготовить сцену для инцидента или организовать все таким образом, чтобы общая картина идеально соответствовала утверждениям вооруженных террористических групп;

в) Механизму был предоставлен список перехваченных сообщений, которые передавались по проводной и беспроводной связи и которые касались многих инцидентов, в том числе девяти описанных инцидентов. Эти сообщения подтверждают, что вооруженные террористические группы стремились к получению или получили в свое распоряжение химические отравляющие вещества, или намеревались их применить;

- d) Механизму были сообщены названия предприятий по производству пестицидов и список мест хранения химических веществ, а также их координаты (см. раздел V.A.3 «Бочковые бомбы», пункт 47);
- e) Механизму была предоставлена информация о различиях между вооруженными террористическими группировками, находившимися в населенных пунктах, о которых идет речь;
- f) Механизму была предоставлена информация о порядке развертывания вблизи этих населенных пунктов сил Сирийской арабской армии;
- g) Механизму были предоставлены планы населенных пунктов, которые якобы стали объектами нападений, и координаты некоторых целей (домов отдельных террористов, складских помещений и объектов, используемых для производства оружия и взрывчатых веществ), а также координаты объектов, по которым не наносились удары (больниц и полевых госпиталей);
- h) Был установлен ряд свидетелей из районов, которые якобы подверглись нападению, и Механизм многократно проводил их подробный опрос;
- i) Механизм встретился с многими высшими офицерами Сирийской арабской армии, имеющими самую различную специализацию;
- j) Сирийская Арабская Республика предоставляла любую помощь, необходимую для содействия проведению расследования этих инцидентов;
- k) Были даны ответы если не на все, то на большинство поставленных Механизмом вопросов с целью установить истину;
- l) Членам следственной группы Механизма оказывалось всемерное содействие в ходе всех посещений, в частности тех, которые имели отношение к техническим вопросам и вопросам безопасности. В своих докладах Механизм неоднократно обращал внимание на содействие, которое оказывало ему правительство Сирийской Арабской Республики.

В подтверждение того, что Сирийская Арабская Республика продолжает абсолютно транспарентно сотрудничать с Механизмом, сирийский национальный комитет организовал широкое внутреннее расследование по вопросам, которые были подняты Механизмом в его последнем докладе, с целью установить дополнительные подробности и определить, насколько точны выводы, к которым пришел Механизм. Национальный комитет также провел тщательное исследование (техническое и юридическое) и проанализировал планы полетов и данные о воздушных операциях в некоторых районах, в отношении которых проводилось расследование, и о полетах на авиабазах Хмеймим и Хама. Это расследование продолжается, и национальный комитет внимательно следит за его ходом.

Сирийская Арабская Республика не отрицает, что она использовала обычное оружие для нанесения ударов по штабам вооруженных террористических групп в населенных пунктах, которые являются предметом рассмотрения. Она также неоднократно заявляла, что у нее нет необходимости применять химические боеприпасы, снаряженные газообразным хлором, в силу многих причин, наиболее важными из которых являются следующие:

а) Химическое оружие с газообразным хлором восходит к временам Первой мировой войны и устарело; оно гораздо менее эффективно, чем обычные вооружения. Химическое оружие малоэффективно в низколежащих районах. Его эффективность полностью зависит от идеальных погодных условий, а контролировать направление ветра невозможно. Кроме того, поражения таким оружием можно легко избежать, покинув район его применения. С другой стороны, при применении традиционных взрывчатых веществ взрыв распространяется по всем направлениям, и от него невозможно защититься, учитывая то, насколько быстро он уничтожает все вокруг, в первую очередь людей. При применении таких взрывчатых веществ также уничтожаются все цели, расположенные вблизи места взрыва, и такие боеприпасы имеют большой радиус поражения (осколками, взрывной волной и тепловой волной, образующейся при взрыве). Следует также отметить, что число пострадавших в ходе якобы имевших место инцидентов невелико и не согласуется с теми показателями, которые были бы в случае применения химического оружия;

б) Хотели бы также отметить, что сирийская армия потеряла ряд важных, стратегических позиций, таких как Талль-эль-Хара, несколько аэропортов и другие территории. Она не применяла химическое оружие против нападавших на нее террористов в целях сохранения контроля над этими территориями. Так зачем же ей применять такое оружие против гражданских лиц и чего этим можно добиться? Механизм не ответил на эти вопросы. Применение хлора не дает никаких преимуществ сирийской армии с военной точки зрения и является неэффективным на местности по сравнению с применением традиционных вооружений;

в) С политической точки зрения применение такого оружия не отвечает интересам Сирийской Арабской Республики, поскольку Сирийская Арабская Республика является членом Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО). Однако вооруженные террористические группы заинтересованы в мобилизации международного общественного мнения против сирийского правительства и с этой целью обвиняют его в применении такого оружия и фабрикуют многочисленные инциденты. Они знают, что общественное мнение — это самое разрушительное оружие из всех и что к информации о том, что жертвами этих сфабрикованных инцидентов якобы становятся мирные граждане (дети, женщины и старики), будет приковано особое внимание.

Доклад Совместного механизма по расследованию изобилует явными недостатками. Вот некоторые из наиболее серьезных таких недостатков:

а) В качестве отправной точки для проведения расследований Механизм использовал непрофессиональные и политизированные доклады миссии по установлению фактов, хотя мы говорили, что Механизму следует держаться подальше от выводов и докладов миссий по установлению фактов, учитывая их недостатки и слабые места. Мы просили Механизм рассмотреть направленные нами замечания, подтверждающие, что ее доклады основываются не на фактах, а на предположениях и гипотезах;

б) В пункте 3 приложения VII к своему докладу Механизм приводит следующую выдержку из доклада миссии по установлению фактов: «Сами по себе ни один источник информации или доказательство не имеют особо большого значения для определения того, произошло ли событие, при котором ток-

сичный химикат был использован в качестве оружия. Однако в совокупности было собрано достаточно фактов, позволяющих сделать вывод, что в ходе инцидентов в Сирийской Арабской Республике, вероятно, имело место применение токсичного химиката в качестве оружия. Собрано недостаточно доказательств, чтобы сделать какие-либо твердые выводы относительно идентификации этого химиката, хотя и имеются факторы, указывающие на то, что данный химикат, вероятно, содержал хлор». Уже одна эта цитата показывает, что выводы, сделанные Механизмом в связи с данными инцидентами, совершенно порочны, поскольку Механизм опирался лишь на вероятные гипотезы и теоретические предположения, не подкрепленные ни научно, ни юридически, ни технически;

с) Он также использует такие выражения, как «необходим дополнительный анализ», что вызывает сомнения относительно доказательств, на которые он опирается. Кроме того, он делает окончательные выводы, но использует такие выражения, которые вовсе не подкрепляют эти выводы. Среди таких выражений, применяемых по отношению к полученной информации, выражения «может составить», «неизвестно», и «неопределенность»;

d) Механизм отметил, что в ряде случаев происходило постороннее вмешательство применительно к месту удара и что останки (боеприпасы, животные и т.д.) привозились из других мест и оставлялись на месте предполагаемого инцидента. Механизм не пояснил, почему и для чего это делалось. Кроме того, если говорить об инциденте, в ходе которого, как утверждается, были применены два боеприпаса, то нас интересует, как можно прийти к выводу о том, что в одном случае, где место удара подверглось изменению, утверждение должно быть отвергнуто, а в другом — с утверждением следует согласиться (пункты 49–51);

e) В пункте 27 раздела V (оценки, выводы и заключения) доклада Механизм заявляет, что он не смог получить доступ в районы, где имели место инциденты, и проверить данные, которые были представлены ему миссией по установлению фактов. Это неблагоприятно сказалось на докладе Механизма. В связи с этим мы не считаем, что Механизму были представлены какие-либо реальные доказательства, которые подтвердили бы подлинность утверждений террористических групп;

f) В пункте 27 приложения I к докладу говорится о трудностях и факторах, влияющих на способность следствия делать выводы, в том числе о том, что места удара или местоположения инцидентов не были оцеплены, с тем чтобы никто не мог приблизиться к ним и чтобы можно было сохранить фиксируемые останки предполагаемых инцидентов. Видео- и фотосъемка производились через несколько дней после предполагаемых инцидентов и во многих случаях уже после того, как оттуда были изъяты или вывезены останки взрывных устройств. Этот факт со всей очевидностью доказывает, что места удара подвергались внешнему вмешательству, и подтверждает то, о чем правительство Сирийской Арабской Республики настойчиво предупреждало, говоря о фальсификации доказательств и видеоматериалов. Как уже было неоднократно доказано, цель этих видеоматериалов состоит в подстрекательстве против Сирийской арабской армии и в том, чтобы настроить против нее общественное мнение;

g) Образцы, упоминаемые в пункте 44 приложения III к докладу, не были взяты в соответствии со стандартами цепи обеспечения сохранности образцов, указанными в части XI одного из приложений к Конвенции по химическому оружию, и сами эти стандарты не соблюдались. Образцы отбирались без распоряжения, контроля, наблюдения или одобрения, а это означает, что они не имеют абсолютно никакого правового статуса, равно как и другие образцы, которые Механизм забраковал, и по тем же причинам, о чем говорится по всему тексту доклада;

h) Согласно пункту 35 приложения VIII к докладу, останки не собирались, не представлялись, не хранились и не исследовались в соответствии с правовыми нормами и поэтому не принимались в качестве доказательств ни миссиями по установлению фактов, ни ОЗХО, ни Механизмом;

i) В пунктах 26 и 27 раздела V (оценки, выводы и заключения) доклада говорится, что Механизм и миссия по установлению фактов не смогли осуществить профессиональный забор проб (экологических проб; образцов и проб от пострадавших, если бы таковые действительно были; и образцов останков взрывных устройств, взятых с места удара) и получить надежные медицинские заключения, которые подкреплялись бы сертифицированными лабораторными исследованиями. Таким образом, Механизм не смог получить каких-либо новых доказательств, которые подтверждали бы его выводы;

j) Механизму не удалось заслушать новых свидетелей. Вместо этого он опирался на политизированные показания, которые были представлены миссией по установлению фактов и которые в некоторых случаях были даны в другой стране. В пунктах 22–28 приложения IV Механизм охарактеризовал показания как сомнительные и, следовательно, не могущие служить убедительным доказательством;

k) Не было проведено какого-либо расследования в связи с использованием вооруженными террористическими группами двух объектов по производству хлора (которые находились под их контролем) для производства боеприпасов, содержащих газообразный хлор. Кроме того, не было предпринято никаких попыток установить, что произошло со всем тем, что находилось на их территории, что террористические организации «Фронт завоевания Леванта» (ранее Фронт «Ан-Нусра») и «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) делали там, почему они захватили их и почему после того, как они установили контроль над этими производственными объектами, стали появляться эти утверждения, хотя ранее именно эти организации неоднократно грозили применением газа. О двух объектах по производству хлора кратко упоминается в пунктах 40 и 41 раздела V.A;

l) Механизм сообщил, что не обнаружил никаких доказательств того, что вооруженные террористические группы применяли вертолеты, захваченными ими на авиабазе в Тафтаназе. Однако это не означает, что эту возможность следует исключать, прежде чем она будет профессионально изучена, особенно с учетом того, что Механизму была предоставлена подробная информация о находившемся там оборудовании, включая действующие летательные аппараты и запасные части, которое было захвачено вооруженными террористическими группами (пункты 43 и 67 доклада);

m) В пункте 29 раздела V своего доклада Механизм заявляет, что на его расследование влиял ряд факторов, включая то, что оно проводилось спустя длительное время после предполагаемых инцидентов. Эта ситуация привела к ошибочным и неточным результатам, поскольку Механизму не удалось опросить свидетелей, взять образцы, посетить места предполагаемых инцидентов и т.д. Поэтому он полагался на неточную информацию;

n) В пункте 23 приложения I Механизм приводит классификацию доказательств на основе степени их убедительности. Он определяет три категории: А, В и С. Обзор всех инцидентов показывает, что Механизм опирался на информацию и доказательства, которые подпадают под категорию С, что означает вероятность. Соответственно, все доказательства, относящиеся к правительству Сирийской Арабской Республики в целом, а также доказательства, относящиеся конкретно к инцидентам, которые имели место в Талменесе 21 апреля 2014 года и в Сармине 16 марта 2015 года, основаны лишь на возможности, несмотря на то, что, согласно хорошо известному юридическому принципу, решения базируются и выносятся на основе безусловных фактов, а не на основе подозрений, гипотез или предположений;

o) Любое доказательство, которое не удовлетворяет любому из требований действительности, становится предположением, а это не является достаточным основанием для вынесения решения. Следовательно, позиции, подпадающие под категорию С, являются не доказательствами, а результатом предположения. Поэтому их нельзя рассматривать в качестве доказательств, на которых могут строиться выводы;

p) Механизм не представил результатов исследования по вопросу о том, с какой высоты были выпущены боеприпасы и какие системы доставки при этом использовались, несмотря на то, что ему был предоставлен видеоклип, на котором вооруженные террористические группы применяют такие системы доставки, как расположенные на возвышенности «адские пушки», из которых боеприпасы выпускались по расположенным внизу целям, что напоминало их сброс с летательных аппаратов, и несмотря на то, что следователи Механизма с большим вниманием отнеслись к этому видеоматериалу;

q) Механизм полностью проигнорировал предоставленную правительством Сирийской Арабской Республики Механизму и ОЗХО информацию о деятельности вооруженных террористических групп, особенно ИГИЛ, «Фронта завоевания Леванта» и связанных с ними субъектов, направленной на получение, испытание и применение токсичных химических веществ, и не упомянул об этой информации в своем докладе. Механизм также не обратил внимания на террористическую угрозу, которую эти организации создают для международной безопасности, и на необходимость борьбы с ними и устранения угрозы, которую они представляют;

r) В пункте 3 введения к докладу указывается, что Механизм расследовал девять отдельных инцидентов, связанных с применением химических веществ в качестве оружия в Сирийской Арабской Республике. Хотя мандат Механизма, изложенный в резолюции 2235 (2015) Совета Безопасности, охватывает всю территорию Сирийской Арабской Республики, тем не менее, как ни странно, Механизм выбрал для расследования инциденты, которые имели место в районах, контролируемых вооруженными террористическими группами,

включая «Фронт завоевания Леванта» (ранее Фронт «Ан-Нусра», который 30 мая 2013 года был обозначен в качестве террористической группы на основании резолюции 1267 (1999) Совета Безопасности), «Солдаты Аль-Аксы» и «Ахрар аш-Шам», но не расследовал инциденты, в которых пострадали наши военнослужащие, предпочтя полностью их проигнорировать;

s) Давление, оказываемое на сирийское правительство, — не единственное следствие продолжающегося умышленного замалчивания. Для Механизма уже стало нормой игнорировать реальные угрозы, имеющие пагубные последствия для международного мира и безопасности, и сосредоточиваться на предположениях и личных взглядах, никак не связанных с материальными элементами, которые и должны служить доказательствами применительно к вышеупомянутым инцидентам;

t) В пункте 47 раздела V.A.3 («Бочковые бомбы») своего доклада Механизм заявляет, что в некоторых случаях нельзя исключать возможность попадания боеприпасов в хранившиеся на земле токсичные химические вещества, в частности в силу того, что предполагаемые останки устройств в указанных местах удара были вывезены оттуда до того, как их наличие было задокументировано;

u) В пункте 10 приложения I указывается, что Механизм провел встречи с так называемыми вооруженными оппозиционными группами и членами так называемой сирийской национальной коалиции, что якобы было необходимо для расследования. Однако мы ранее информировали Механизм о том, что это просто группы вооруженных террористов и ничего более и что нам непонятна цель проведения встреч с ними. Мы хотели бы знать, какая польза в том, чтобы опрашивать лиц, которые не присутствовали на местах расследуемых инцидентов. Если эти лица как-то повлияли на членов Механизма, навязав им свои взгляды, или если они представили вводящую в заблуждение информацию, то здесь следует напомнить о том, что любая информация, предоставленная лицом, которое не было свидетелем инцидента (косвенные доказательства) или любые вещественные доказательства, которые не были собраны в вышеупомянутых местах в соответствии с правилами, определяющими целостность и точность доказательств, не могут быть использованы для установления факта происшествия и для выдвижения обвинения;

v) В пункте 12 приложения I Механизм не упоминает никакие неправительственные организации, с которыми он сотрудничал. Механизм также не пояснил, как именно эти организации связаны с Механизмом или с расследованием. Поэтому полагаться на их заявления нельзя, поскольку к ним нет доверия;

w) Из пункта 22 приложения I становится ясно, что Механизм готовил доклад в спешке. 10 августа 2016 года Механизм лишь приступил к обзору инцидентов и подготовке доклада, а 24 августа 2016 года доклад уже был представлен Генеральному секретарю. Иными словами, доказательства были проанализированы, инциденты и информация рассмотрены, а доклад подготовлен менее чем за 15 дней. По нашему мнению, доклад был опубликован преждевременно. Он не бы предметом углубленного рассмотрения и был опубликован с неоправданной поспешностью — лишь под воздействием оказывавшегося на Механизм давления с целью выпустить доклад со столь зыбкими выводами.

Механизм разделил свою работу на три этапа и приступил к работе 24 сентября 2015 года. На последнем этапе Механизм должен был заняться оценкой доказательств, проверкой инцидентов и обновлением информации о деятельности до 19 августа 2016 года, включая окончательную оценку, проведенную Руководящей группой;

х) Мы также отмечаем, что в докладе использованы данные из докладов миссий по установлению фактов. Правительство Сирийской Арабской Республики ранее оспаривало эти доклады и представляло свои ответы на них. В своих ответах правительство отмечало недостатки этих докладов, включая такие, которые лишали доклады любой юридической ценности и не позволяли полагаться на них. Как будет отмечено ниже, впоследствии оказалось, что то же самое относится и к некоторым частям рассматриваемого доклада. Механизм ссылался на доказательства, которые приводятся в докладах миссий по установлению фактов, и иногда отвергал такие доказательства, хотя рабочие механизмы этих миссий по установлению фактов и способ сбора доказательств были одинаковы;

у) То, что миссия не выезжала на места (приложение I, пункт 26), негативно повлияло на ее выводы. Механизм опирался на видеозаписи, которые по большей части оказались сфабрированными, и на показания свидетелей, у которых не были проверены документы, удостоверяющие личность. Кроме того, в докладе не присутствуют никакие заверенные медицинские заключения о повреждениях, полученных лицами, которые якобы подвергались воздействию токсичных веществ.

з) Все эти факты свидетельствуют о том, что заключения Механизма являются не чем иным, как компиляцией предположений и личных выводов и не служат достаточным основанием для выдвижения обвинений, содержащихся в его докладе. Эти факты также доказывают, что имело место правовое нарушение, особенно в отношении части XI одного из приложений к Конвенции по химическому оружию и изложенных там методов расследования;

Исходя из вышеизложенного, мы ясно видим, что доклад основан на заключении Механизма, будто сирийская сторона могла применять хлор в ходе двух предполагаемых инцидентов. Этот вывод основан на заявлениях свидетелей, предъявленных вооруженными террористическими группами или их сторонниками. В докладе не содержится никаких подтвержденных вещественных доказательств применения хлора, будь то проб или заверенных медицинских заключений.

С правовой точки зрения эти выводы не могут считаться доказательством вины правительства Сирийской Арабской Республики. Выводы, приведенные в докладе Механизма, порочны. Заключение должно основываться на бесспорных доказательствах, а не на гипотезах, догадках, теоретических предположениях и лжесвидетельстве.

Наши замечания в отношении доклада Механизма об инциденте в Талменесе от 21 апреля 2014 года

Выводы, сделанные Механизмом в отношении этого якобы имевшего место инцидента, основывались на докладах миссий по установлению фактов,

которые правительство Сирийской Арабской Республики ранее опровергло. В докладе миссии по установлению фактов применительно к этому инциденту имеются недостатки с точки зрения права и научно-технических знаний.

В пункте 5 приложения IV говорится о том, что, по утверждению некоторых свидетелей, Талменес тогда контролировала террористическая организация Фронт «Ан-Нусра», тогда как другие свидетели заявляли, что контроль над этим населенным пунктом осуществляла группировка «Файлак аш-Шам». Мы обращаем внимание на противоречие в заявлениях свидетелей из этого населенного пункта, которые не смогли определиться с тем, какая группировка его контролировала.

Мы указываем на отмеченные в пункте 8 приложения IV противоречия в показаниях свидетелей, которые были предъявлены вооруженными террористическими группами и личность которых не была установлена или подтверждена. Таким образом, инцидент, о котором идет речь, является не более чем спектаклем, поставленным по сценарию вооруженных террористических групп, которые контролировали весь этот район и все, что в нем находилось. То, что это именно так, нетрудно увидеть из противоречивых заявлений свидетелей о ситуации в этом районе: некоторые из них утверждали, что ситуация была нестабильной, тогда как другие заявляли, что она была спокойной.

В пункте 11 приложения IV к докладу говорится о свидетеле предполагаемого инцидента в Талменесе, предъявленном правительством Сирийской Арабской Республики. Показания этого свидетеля, который присутствовал на всех этапах расследования (проводимого миссиями по установлению фактов и Механизмом), были проигнорированы, несмотря на их важность и несмотря на то, что они были зафиксированы. Это заставляет нас задаваться вопросом о том, почему некоторым показаниям отдается предпочтение перед другими показаниями.

В пункте 12 приложения IV указывается, что, по информации, полученной Механизмом из неустановленного источника, в день инцидента ИГИЛ, пользуясь тем, что Сирийская арабская армия проводила бомбардировку, осуществляла артобстрел снарядами, снаряженными химическими веществами. От этих снарядов пострадали 83 человека и погибло большое количество голов скота. Это явно свидетельствует о том, что были субъекты, которые, используя факт проводившейся Сирийской арабской армией бомбардировки, сфабриковали инцидент, для того чтобы обвинить сирийскую армию в применении химического оружия.

В пункте 13 приложения IV говорится о видеосюжете, который был записан 23 апреля 2014 года, в то время как предполагаемый инцидент произошел 21 апреля. Это говорит о том, что данная видеозапись была сфабрикована и не должна приниматься в качестве доказательства. Незаконность этой видеозаписи подтверждает, что место предполагаемого инцидента подверглось постороннему вмешательству и что доказательства были сфальсифицированы, как указано в данном пункте.

В пункте 19 приложения IV говорится, что спутниковые изображения с более высоким разрешением теоретически могут привести к иным выводам в отношении этого инцидента, нежели те, которые изложены в докладе. Там

также говорится о характере этих выводов. Хотя в связи с этим предполагаемым инцидентом имеется более одного возможного объяснения, Механизм в своем докладе приходит к определенному выводу и обвиняет Сирийскую арабскую армию без предъявления каких-либо неоспоримых, законных и основанных на научных данных доказательств.

Что касается пунктов 25 и 26, а также пункта 13 приложения IV, то мы отмечаем наличие широко и неоднократно применявшейся во всех этих предполагаемых инцидентах фальсификации. Запись была сделана 20 апреля 2014 года, за день до предполагаемого инцидента. Это означает, что видеозапись была сделана после того, как все было подготовлено на месте сфабрикованного инцидента, а затем опубликована с целью создать впечатление, будто инцидент произошел 21 апреля.

Нет никаких оснований для того, чтобы игнорировать приведенную в пункте 22 приложения IV и в последующих пунктах информацию в отношении местоположения № 1, особенно с учетом того, что, как было доказано Механизму, этот инцидент был явно сфабрикован. Данное обстоятельство, кроме того, указывает на то, что были сфабрикованы и обстоятельства и факты, касающиеся расположения № 2. Те, кто отвечал за фальсификацию на местоположении № 1, безусловно, были способны сделать то же самое и на местоположении № 2. Согласно имеющимся утверждениям, в ходе предполагаемого инцидента от 21 апреля 2014 года были одновременно сброшены две бомбы. Как можно установить, что фальсификация имела место в местоположении № 1, но не в местоположении № 2, хотя их разделяют не более 75 метров? Это указывает на то, что Механизм, возможно, опубликовал свой доклад преждевременно и без должного рассмотрения имеющейся информации и что доклад основан на сказках, сочиненных вооруженными террористическими группами и их лжесвидетелями, и на предположениях и гипотезах, а не на безусловных фактах. В пункте 26 отмечается, что тела мертвых животных выглядят чистыми и неповрежденными, а это означает, что они не находились рядом с местом удара. Иными словами, Механизм не учел возможности того, что кто-то переместил этих животных в место удара и сделал видеозапись с ними, чтобы использовать ее в качестве сфабрикованного доказательства, подтверждающего наличие токсичных веществ в этом местоположении. Это особенно касается видеоматериала, о котором упоминается в пункте 27 приложения IV и который, по-видимому, был сильно отредактирован (присутствуют признаки монтажа и т.д.). Если это не так, то группа, которая готовила доклад, пришла к ошибочному заключению.

В пункте 29 указывается, что этот видеоматериал был записан через два дня после инцидента. Это вызывает удивление, учитывая, что данные группировки контролировали весь этот район. Это указывает на то, что лицо, которое делало видеозапись, произвело изменения на месте инцидента и переместило туда фрагменты и останки из другого места, чтобы имитировать нападение с применением химического оружия и затем обвинить Сирийскую арабскую армию в совершении этого нападения или вызвать такое подозрение.

В пункте 30 приложения IV Механизм отмечает, что образцы, взятые в местоположении № 2 через два дня после события, были предоставлены в распоряжение одного из международных печатных изданий. Далее он добавляет,

что результаты анализа одного образца были опубликованы 29 апреля 2014 года. Таким образом, сбор, хранение и транспортировка этого образца не проводились в соответствии с требованиями, предъявляемыми к цепи обеспечения сохранности образцов, которые предусмотрены для этой цели и изложены в части XI одного из приложений к Конвенции по химическому оружию. Это означает, что данный образец является недопустимым независимо от результатов анализа, что не позволяет точно указать применявшееся вещество. Эти компоненты могут присутствовать в естественной среде; возможно также, что с образцами были произведены какие-то посторонние действия. Тем не менее Механизм использовал эту информацию и упомянул о ней в данном пункте.

Механизм не учел, а проигнорировал мнение другого источника, о котором говорится в пункте 31. Источник заявил, что у него нет научно обоснованных данных, свидетельствующих о применении хлора.

Желтеющие и засохшие листья, упоминаемые в пункте 42, не обязательно являлись результатом применения хлора, как это подразумевается. Это обстоятельство могло быть вызвано целым рядом других факторов, включая применение пестицидов в высокой концентрации или в ненадлежащих условиях или воздействие тепловой волны, образующейся при взрыве обычного снаряда. Это свидетельствует о том, что данные выводы были основаны лишь на гипотезе, а не на научных данных, доказывающих факт применения газообразного хлора.

В пункте 43 приложения IV говорится, что, согласно полученному Механизмом заключению по результатам криминалистического лабораторного анализа, повреждения в местоположении № 2 были вызваны взрывом «бочковой бомбы» и что большие размеры останков указывают на то, что либо взрывной заряд устройства не сработал, либо устройство содержало лишь небольшое количество взрывчатых веществ. В этой связи возникает закономерный вопрос: что же случилось с взрывчатыми веществами, ибо они, несомненно, должны были остаться на месте?

В докладе также не указано, что боеприпас не относился к числу обычных (что означает, что он был обычным); тем самым подтверждается, что речь не идет о химическом оружии. Механизм, однако, не воспользовался этим доказательством, а предпочел проигнорировать его, хотя и упомянул о нем. Делая заключение в отношении этого инцидента, он опирался исключительно на предположения, которые не базируются ни на каких доказательствах.

В пункте 49 раздела IV говорится, что ни в свидетельстве о смерти, ни в заключении о вскрытии не указана причина смерти. Тем не менее Механизм решил вновь обвинить в своем докладе Сирийскую арабскую армию, не имея научно обоснованных доказательств своего утверждения.

Как явствует из пункта 56 и последующих пунктов приложения IV, заключение, к которому пришел Механизм, было основано на показаниях свидетелей, которые относятся к действовавшим в этом районе вооруженным террористическим группам или к числу их сторонников. У Механизма нет неоспоримых научных, технических и юридических доказательств, на которых могло бы быть основано такое заключение. Его вывод основывается на предположениях и вероятных гипотезах, а не на безусловных фактах, а это недопустимо ни

с точки зрения права или логики, ни с точки зрения научно-технических знаний. Как он может давать определение тому, что произошло в местоположении № 2, и полностью отвергать информацию, касающуюся местонахождения № 1, при том что боеприпасы были якобы одновременно сброшены с вертолета?

Наши замечания в отношении доклада Механизма об инциденте в Сармине от 16 марта 2015 года

Выводы, сделанные Механизмом в отношении этого якобы имевшего место инцидента, основывались на докладах миссий по установлению фактов, которые правительство Сирийской Арабской Республики ранее опровергло. В докладе миссии по установлению фактов применительно к этому инциденту имеются недостатки с точки зрения права и научно-технических знаний.

В пункте 3 приложения VIII Механизм приводит следующую выдержку из доклада миссии по установлению фактов: «Сами по себе ни один источник информации или доказательство не имеют особо большого значения для определения того, произошло ли событие, при котором токсичный химикат был использован в качестве оружия. Однако в совокупности было собрано достаточно фактов, позволяющих сделать вывод, что в ходе инцидентов в Сирийской Арабской Республике, вероятно, имело место применение токсичного химиката в качестве оружия. Собрано недостаточно доказательств, чтобы сделать какие-либо твердые выводы относительно идентификации этого химиката, хотя и имеются факторы, указывающие на то, что данный химикат, вероятно, содержал хлор». Уже одна эта цитата показывает, что выводы, сделанные Механизмом в связи с данными инцидентами, совершенно порочны, поскольку Механизм опирался лишь на вероятные гипотезы и теоретические предположения, не подкрепленные ни научно, ни юридически, ни технически.

В пункте 18 приложения VIII указывается, что, по утверждению одного источника, в результате ночного воздушного налета, совершенного авиацией Сирийской арабской армии в окрестностях Сармина, был уничтожен склад с обычными боеприпасами и нетоксичными химическими веществами. В результате начавшегося пожара произошел выброс едких газов и паров. Этот инцидент был использован в качестве предлога для обвинений в адрес Сирийской арабской армии. Нет ничего более далекого от истины, чем эти обвинения.

В пункте 25 приложения VIII приводятся координаты предполагаемого места удара. Сведения об этих координатах не совпадают друг с другом. Соответственно, ни показания этих свидетелей, ни выводы, к которым они пришли, не должны приниматься во внимание.

В пункте 26 приложения VIII говорится, что место автомобильной аварии установить не удалось. Однако это не означает, что данная информация является неточной. Правительство Сирийской Арабской Республики уже несколько лет не присутствует и не имеет представительства или источника точной информации в этом районе, поскольку здесь все контролируется вооруженными террористическими группами.

В пункте 29 приложения VIII говорится, что останки и фрагменты предполагаемого взрывного устройства были перемещены из места удара на доро-

гу. Это означает, что имели место манипуляции с доказательствами и что останки были доставлены из других мест, для того чтобы можно было заявить, что это результат инцидента, который якобы произошел в тот день. Поэтому полагаться на это вещественное доказательство нельзя.

В пункте 28 приложения VIII указывается, что, по утверждениям вооруженных террористических групп и их свидетелей, якобы применявшиеся боеприпасы были изготовлены из толстого металла. Однако металл такой толщины и таких размеров не используется для изготовления бомб или устройств, которые могут применяться в качестве химического оружия.

В пункте 32 приложения VIII приводятся слова свидетеля, сообщавшего о «размере боеприпаса (“бочки”)». Этот свидетель рассказывал о том, что он видел через несколько часов после предполагаемого нападения. Между тем Механизм проигнорировал представленный правительством Сирийской Арабской Республики видеоматериал, который полностью противоречит рассказу этого свидетеля. Этот видеоматериал четко свидетельствует об отсутствии баллонов с хладагентом. Таким образом, баллоны были привезены на место предполагаемого инцидента для того, чтобы добавить последний штрих к общей картине фальсификаций и обвинить Сирийскую арабскую армию в совершении этого нападения. Лицо, предоставившее видеозапись, о которой говорится в вышеупомянутом пункте, — это просто лжесвидетель, представивший ложную информацию.

В пункте 33 приложения VIII говорится, что находившиеся на кухне посуда и утварь были перемещены, так как на одной видеозаписи они присутствуют, а на другой — нет. Это свидетельствует о том, что с данным местоположением проводились какие-то манипуляции с целью совершить обычную фальсификацию и обвинить Сирийскую арабскую армию. В этой связи правительство Сирийской Арабской Республики отметило, что нет никаких признаков того, что находившиеся на кухне посуда и утварь претерпели какие-либо изменения. Однако если предположить, чисто гипотетически, что посуда и утварь подверглись, как утверждается, воздействию хлора, то можно было бы ожидать изменения их формы и цвета и их помутнения в результате химической реакции металла с якобы примененным хлором. Таким образом, это утверждение абсолютно ошибочно и является не более чем попыткой обмана.

В пункте 35 приложения VIII отмечается, что порядок сбора, получения, хранения и анализа образцов не соответствовал правовым стандартам. Соответственно, ни миссии по установлению фактов, ни ОЗХО, ни Механизм не могли использовать эти образцы в качестве доказательств.

Небольшие металлические контейнеры, упоминаемые в пункте 36 приложения VIII, это баллоны для хранения газообразного гидрохлорфторуглерода. Повторное заполнение таких баллонов с целью их использования в качестве элемента устройства было бы сопряжено с большим риском и потребовало бы некоторых очень серьезных и весьма сложных в техническом плане изменений. Это был бы сложный процесс, требующий специального оборудования и навыков, на что мы указали Механизму в ходе наших обсуждений, касающихся представленного образца. Мы также сообщили миссии по установлению фактов, что это сложный процесс, не имеющий смысла, и что такая возможность является скорее теоретической, нежели практической. После взрыва содержи-

мое устройства было бы рассеяно и необходимого взаимодействия между его компонентами не произошло бы. Таким образом, предлагаемая модель является некорректной.

Содержание пункта 37 приложения VIII основано на выводах миссии по установлению фактов, а эти выводы были основаны на неверном и чисто теоретическом конструктивном решении, возможность которого мы опровергли в ходе наших встреч с Механизмом. Это чисто теоретическое решение, которое не может быть реализовано на практике (см. добавление, касающееся этого возможного лишь в теории устройства).

Что касается пункта 38 приложения VIII, то мы отмечаем, что вывод Механизма основывается не на бесспорном факте, а на предположении, согласно которому хлор может образовываться в результате взаимодействия соляной кислоты с перманганатом калия. Таким образом, эта теория не может считаться бесспорной или доказанной.

В пункте 42 приложения VIII говорится, что нет никакого логического объяснения присутствию в цилиндрах тринитротолуола, которое было установлено в ходе анализа, и что это вещество обычно не используется в устройствах, применяемых в качестве химического оружия. Поэтому Механизм посчитал, что проведенный анализ не является достаточным основанием для бесспорного вывода.

Из этого следует, что вывод о том, будто речь идет об устройстве, применяемом в качестве химического оружия, основывается на предположениях, которые противоречат фактам, установленным в результате химического анализа. Из этого следует, что в устройстве применялась обычная взрывчатка.

Что касается пункта 45 приложения VIII, то мы отмечаем, что ни Механизм, ни свидетель не уточняют, как этот предполагаемый свидетель перехватил радиообмен между пилотом и его авиабазой и был ли этот радиообмен записан свидетелем. И хотя химическое оружие в ходе якобы происшедшего радиообмена не упоминалось, нас интересует, на основании чего свидетель и представленная им информация были признаны заслуживающими доверия. Предоставил ли свидетель какие-либо доказательства в подтверждение своих показаний?

Что касается пункта 47 приложения VIII, то нам непонятно, откуда взялось предположение о том, что воронка образовалась в результате взрыва «бочковой бомбы», внутри которой находились баллоны с гидрохлорфторуглеродом, а не в результате применения обычного взрывчатого вещества, тем более в отсутствие каких-либо доказательств наличия в бомбе хлора. Вывод Механизма основывается на чистой гипотезе. При этом одна возможность принимается, а другая отбрасывается. Нам непонятно, почему Механизмом была отвергнута возможность того, что взрывное устройство такого же веса было запущено с помощью наземной ракетной пусковой установки или миномета, тем более что террористы способны разрабатывать, производить и запускать ракеты и минометные снаряды различного размера и веса.

Механизм допустил одну возможность в отношении содержимого доставленной бочки и отверг все остальные возможности, хотя никаких других доказательств в подтверждение сделанного им вывода не было.

Что касается пункта 52 приложения VIII, то мы отмечаем, что выводы в отношении этого инцидента основаны на предположениях и гипотезах, а не на научном анализе, подкрепленном научными фактами. Это говорит о том, что пришедшие к такому выводу лица не анализировали сотни видеоматериалов, демонстрирующих способность вооруженных террористических групп производить и запускать различные по весу и размеру боеприпасы того типа, который упоминается в докладе.

В пункте 58 приложения VIII указывается, что в ходе нашей встречи с Механизмом мы заявляли, что причиной взрыва была утечка бытового газа. Это замечание вовсе не претендовало на то, чтобы быть окончательным; оно приводилось только в качестве примера и указания на то, что останки, обнаруженные на месте взрыва, являются характерными для обычного взрыва, а не для взрыва используемого в качестве химического оружия устройства, содержащего хлор. При простом сопоставлении размеров вентиляционной шахты (1,5 × 3 м) с размерами контейнера без стабилизаторов (1,25 × 2 м) видно, что контейнер вообще не мог бы попасть внутрь шахты, не ударившись о боковые стенки и не взорвавшись, если он был снабжен взрывателем ударного действия и угол его вхождения составлял от 82 до 85 градусов, т.е. он падал практически вертикально.

Почему же не был определен момент детонации (будь то в шахте или на уровне первого или второго подземного этажа)? Определить момент детонации было бы очень просто — по оставшимся в результате детонации следам или по останкам бомбы. Это два наиболее надежных критерия при анализе взрывов и типа примененного взрывчатого вещества.

Что касается семьи из шести человек, о которой говорится в пункте 60 приложения VIII, то мы можем лишь поражаться тому, как предполагаемый боеприпас, якобы большого размера и сброшенный с вертолета, мог угодить точно внутрь вентиляционной шахты и взорваться на уровне второго подземного

этажа. Это просто что-то невероятное. На видео видны масштабы разрушений, вызванных взрывом якобы примененного боеприпаса. Однако разрушения такого масштаба, которые видны на видеозаписи, не могли быть вызваны боеприпасом, сброшенным с воздуха, — они могли быть вызваны лишь боеприпасом, выпущенным из пусковой установки, или обычным взрывным устройством. Уж это во всяком случае можно установить из четкой картины повреждений железобетонных конструкций. И тем не менее в результате этого удара, якобы с применением химического оружия, пострадали лишь три члена находившейся в доме семьи. В этой истории также имеются другие несоответствия, особенно в том, что касается двух девочек и бабушки и того, были ли девочки живы после спасательной операции. Механизм подтвердил наличие противоречий, отметив, что дополнительно прояснить ситуацию в данном вопросе невозможно. Из этого следует, что свидетели говорили неправду, утверждая, что после взрыва они побывали на месте и почувствовали сильный запах хлора, хотя после инцидента уже прошло какое-то время, и что они якобы видели разорвавшиеся зеленые баллоны из-под хладагента. Это свидетельствует лишь о том, что свидетели лгали и что их научили, что и как говорить. Кто бы сумел отличить баллоны из-под хладагента по типу, запаху и т.д.? Не говоря уже о том, какое искусство требуется для того, чтобы выпустить боеприпас так, чтобы он пролетел через вентиляционную шахту до нижнего этажа.

Рассказы спасателей об этом инциденте также некорректны. Они противоречат друг другу, и из этих рассказов сложно понять, были ли сначала спасены оба родителя и один ребенок, а бабушка и две девочки — 30 минут спустя. Если просмотреть поддельную видеозапись, сделанную в больнице, то можно увидеть, что бабушка лежит на кровати еще до того, как появляются ребенок, спасенный вместе с родителями, а затем и обе девочки.

В пункте 63 приложения VIII говорится, что врач, выдавший свидетельство о смерти членов этой семьи, не указал причину смерти, что вызывает серьезные сомнения в надежности свидетелей.

В пунктах 64 и 65 приложения VIII приводится описание того, как Механизм проводил моделирование инцидента для оценки вероятности применения хлора. Согласно докладу, это моделирование позволило получить представление о вероятности и последствиях применения хлора и о возможных повреждениях с учетом атмосферных и экологических факторов в теоретическом плане. Механизм стремился получить более надежные данные о числе потерпевших, при этом он учитывал ряд факторов и отметил необходимость в конкретной информации. Тем не менее, принимая это во внимание, Механизм частично использовал эту модель для оценки воздействия на население. Это означает, что данные выводы не являются бесспорными и что заключения Механизма в отношении этого инцидента базируются на предположениях и моделировании.

В пункте 67 приложения VIII говорится, что число пострадавших должно было составлять порядка 91 человека, тогда как фактически лиц, предположительно пострадавших во время инцидента, было не более 49. Механизм не смог в этой ситуации установить достаточно точное число пострадавших или произвести точные расчеты. Из этого следует, что выводы Механизма не явля-

ются ни исчерпывающими, ни бесспорными. А это говорит о том, что данные утверждения неверны.

В пункте 71 приложения VIII излагаются предположения, на основании которых были сделаны приводимые в докладе выводы относительно предполагаемого инцидента в Сармине. В докладе говорится, что в местоположении № 2 в подвал строящегося дома попала бомба или «бочковая бомба», внутри которой находились баллоны с газообразным хладагентом, и что в результате кинетического действия бомбы, сброшенной с очень большой высоты, погибла семья из шести человек.

В докладе нет доказательств того, что гибель людей произошла вследствие вдыхания токсичного химического вещества в виде газа (хлора).

Доклад основывается на выводах Механизма, сделанных исходя из предположения, что сирийская сторона применяла хлор. Эти выводы основаны на заявлениях свидетелей, которые относятся к вооруженным террористическим группам или к числу их сторонников. Нигде в докладе не упоминаются подтвержденные вещественные доказательства применения хлора, будь то образцы и пробы или заверенные медицинские заключения. В докладе нет доказательств того, что гибель людей произошла вследствие вдыхания хлора; это говорит о том, что ущерб дому был нанесен предметом, сброшенным с большой высоты. С правовой точки зрения это не может считаться доказательством вины правительства Сирийской Арабской Республики, и данное заключение ничуть не лучше тех выводов, на которых оно основывается. Заключение должно основываться на бесспорных доказательствах, а не на гипотезах, предположениях и лжесвидетельстве.

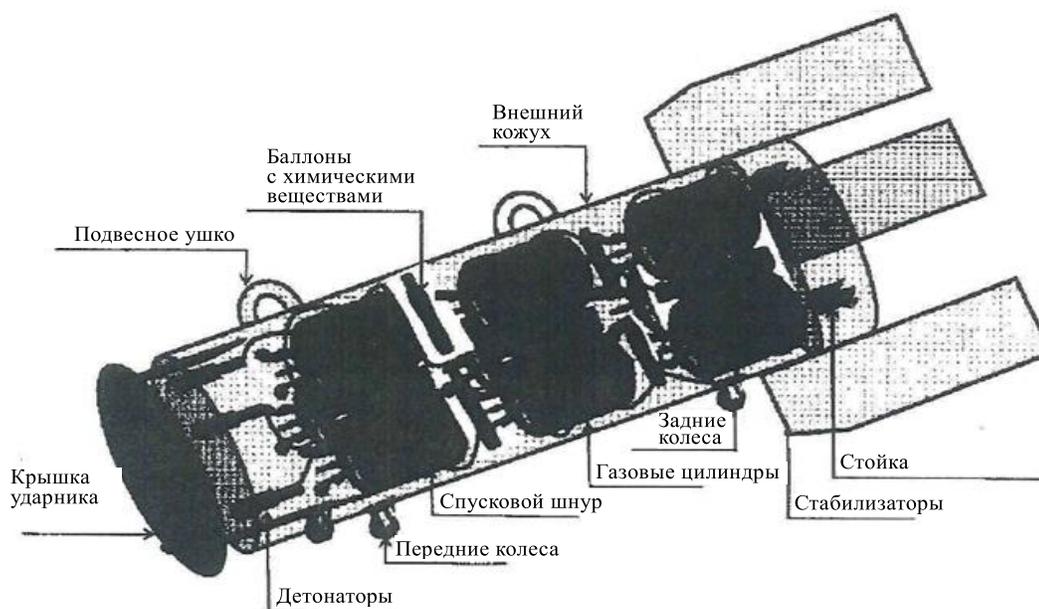
Добавление

Объективная научная оценка предложенной миссией по установлению фактов гипотезы в отношении теоретической модели конструкции боеприпаса, снаряженного газообразным хлором

На приведенной ниже диаграмме показана предложенная миссией по установлению фактов гипотеза в отношении теоретической модели конструкции снаряженного газообразным хлором боеприпаса, который якобы применяется Сирийской арабской армией.

Изображение мобильного химического боеприпаса, который якобы применялся в мухафазе Идлиб в период с марта по май 2015 года

Важно отметить, что ни конструкция, показанная на приведенном выше изображении, ни какая-либо похожая на нее конструкция никогда не производились в Сирийской Арабской Республике и не находятся на наших складах.

Такая конструкция является крайне сложной и не подходит ни с научной, ни с практической точек зрения для использования в качестве химического боеприпаса, снаряженного газообразным хлором, по следующим причинам:

- Конструкция является сложной, и было бы трудно разместить все обозначенные компоненты внутри кожуха таким образом, чтобы обеспечить возможность ее применения в качестве химического оружия.

- Если бы в находящихся внутри цилиндрах содержался газообразный хлор, то для чего были бы нужны баллоны с перманганатом калия?
- А если в находящихся внутри цилиндрах не содержится газообразный хлор, то для чего использовать такие низконапорные баллоны? Есть ведь и другие типы баллонов, менее дорогостоящие.
- Было бы сложно добиться рассеивания всех компонентов вне корпуса и при этом обеспечить также их взаимодействие друг с другом для образования необходимого газа.
- Было бы сложно обеспечить, чтобы при взрыве детонатора не были повреждены расположенные внутри кожуха цилиндры и чтобы сила взрыва была направлена преимущественно в открытое пространство, а не на корпуса цилиндров.
- Применение расположенного по центру взрывного заряда для внешнего рассеивания компонентов бомбы привело бы, естественно, к деформации или уничтожению внутренних компонентов и к их разбросу на большое расстояние друг от друга, что сделало бы невозможным протекание химических реакций, необходимых для получения газообразного хлора.
- Для чего нужно использовать все эти компоненты, когда существуют намного более простые и более эффективные способы для производства химических боеприпасов, снаряженных газообразным хлором?

Исходя из вышесказанного, мы заключаем, что:

- а) Эта конструкция может существовать лишь в теории; она сложна, и ее непросто изготовить.
- б) Невозможно обеспечить ее аэродинамическую балансировку или стабильность.
- в) Было бы невозможно обеспечить ее точность.